

УДК 81'23 DOI: 10.30982/2077-5911-2019-40-2-12-29

**ОБОЗНАЧЕНИЯ ГЕНДЕРНО ЗНАЧИМОЙ ЛЕКСИКИ В СВЕТЕ
ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОГО И ОТЕЧЕСТВЕННОГО
(ПО МАТЕРИАЛАМ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА)**

Алла Викторовна Кирилина

Проректор по научной работе ОЧУ ВО «Московская международная академия»

Москва, ул. Новомосковская, д. 15А, стр. 1

alkira@list.ru

В статье, методологически основанной на постнеклассическом подходе к языку как объекту процессуального характера, обсуждаются вопросы гендерного подхода к языку, рассматриваются данные Национального корпуса русского языка и комментарии читателей; установлены тенденции образования имен существительных агентивных женского рода, а также обозначения сексуальности в русском языке. Выявлено, что новые русские слова появляются в тематических областях высокой социальной значимости (межэтнические отношения, пенсионная реформа и под.), а названия различных типов сексуальности, напротив, в основном заимствованы из английского. Было обнаружено сокращение частотности инвективы, отражающей «нетрадиционную» гендерную ориентацию, что свидетельствует о росте толерантного отношения общества к людям с такой ориентацией. В качестве перспективы для дальнейших исследований предложено сравнительное изучение опыта стран, где десятилетиями реализуются рекомендации по языковому равенству мужчин и женщин, изучение субкультуры «квир», ее лексикона и языкового творчества, а также теоретическое осмысление множественности гендерного конструкта и невозможность отражения этого факта в политкорректном языке.

Ключевые слова: гендер, русский язык, гендерная лингвистика, корпусная лингвистика, имена существительные женского рода, политическая корректность

Введение

Введение

Обсуждая перспективы гендерной лингвистики в начале третьего тысячелетия, мы ставили следующие вопросы, разделив их на две группы:

А. Лингвистическая значимость гендерного подхода в языкознании.

Б. Роль экстралингвистической реальности в процессах языкового конструирования гендера и их динамике [Кирилина 2002].

На вопросы первой группы ответы были получены довольно быстро, и мы не будем на них останавливаться.

Рассмотрение же вопросов второй группы пока не завершено. Настоящую статью мы рассматриваем как частичный ответ на следующие из них:

Как меняется конструирование гендера в диахронии; какие данные для исследования ментальности данной культуры и ее отражения в языке дает гендерный подход?

Как воздействует межкультурная коммуникация на конструирование гендерной идентичности?

Как отражаются культурная экспансия и процессы глобализации на гендерном параметре личности?

Какие языковые изменения происходят под влиянием новых достижений науки в области клонирования, репродукции и общей тенденции к экстракорпоральному деторождению?

Мы преследуем цель осветить некоторые стороны развития гендерно значимой лексики¹ русского языка в части агентивных имен существительных, обозначающих а) женщин и б) сексуальную ориентацию, поскольку эти сферы сегодня стали объектом политической, идеологической и иных видов социальной риторики, обусловленной глобализацией и изменением модели человека.

Социальная реальность сегодня такова, что обсуждать пути развития лексикона невозможно без обсуждения прагматического контекста, в котором разворачивается конструирование гендера, претерпевающее сегодня весьма значительные изменения.

Постсоветский период, начавшийся в 90-е годы, обнаруживает заметные изменения в содержании гендерных репрезентаций, для создания которых в основном используются имеющиеся языковые средства, заимствования и видеосоставляющая (существенно усилившаяся с конца XX века [Пойманова 1997], а также возможности новых цифровых технологий.

О специфике репрезентации гендера российских СМИ в 90-е годы XX века мы писали ранее [Кирилина 2002], установив, что в начале постсоветского периода наблюдалась ярко выраженная тенденция к усилению гендерной асимметрии, к эротизации женщин и представлению их в качестве сексуального объекта. В 2000-е годы эта тенденция трансформировалась: в массовых СМИ она сохранилась, но несколько ослабла – возможно, по той причине, что новые цифровые технологии позволили диверсифицировать коммуникативное пространство и создать в интернете поля общения для различных фокус-групп. В дискурсивном конструировании гендера происходит, по сравнению с 90-ми годами XX века, дифференциация по предпочтениям, интересам и вследствие этого – дробление дискурсов, их кластеризация в электронной коммуникации.

Общий социальный контекст в этот период отмечен также фактором глобализации, усложнившим картину. В начале XXI века конструирование гендера характеризуется множественностью тенденций, большим разнообразием гендерных репрезентаций и совершается при помощи вербального и невербального кода. Для систематизации этого многообразия применена модель гендеризма Гоффмана [Goffman 1977], согласно которой основными движущими инструментами конструирования гендера являются институционализация и ритуализация пола.

С некоторой долей условности мы выделили две наиболее яркие тенденции противоположной направленности:

- 1) глобальная тенденция к семиотической минимизации/устранению гендерных различий;
- 2) отечественная тенденция к усилению гендерной дифференциации и гендерной² асимметрии.

---

¹ Подробнее о термине «гендерно значимая лексика» см. [Васькова 2005].

² Мы не пользуемся здесь термином «локальные», чтобы избежать ассоциаций с общепринятым в глобалистике понятием «локализация глобального», поскольку рассматриваем обсуждаемые тенденции как специфику страны, а не как специфику укоренения в ней глобалистских трендов, хотя ряд моментов, например, следствия миграции, несомненно, находится в пограничной зоне.

Тенденция к устранению гендерной асимметрии выражается предварительным проведением гендерной экспертизы текстов; параллельным изображением или вербальным выражением мужских и женских персонажей; пропорциональной представленностью глагольных предикатов различной степени агентивности [Гриценко 200]); отсутствием противоречий в вербальной и видеосоставляющей текстов и др.; устранением деконструированием дихотомии через умножение гендерных ролей и усиление внимания к описанию различного рода особенностей сексуального поведения индивидов, дискурсивное перемещение этих особенностей из категории девиации в категорию нормы при снятии самой дихотомии «норма/девиация».

Эта область представляет собой поле бурных дискуссий, а также отражает целый ряд моментов, описываемых термином *постгендеризм*³ связанных с формированием новой – плюралистической и динамичной – модели человека. Для глобального дрейфа к постгендеризму характерен демонтаж прежних норм институционализации и ритуализации гендера, в том числе устранение визуальных различий в гендерных репрезентациях.

Одна из составляющих современного прагматического контекста заключается как в активизации дискурса о языковом равноправии, так и в выходе гендерных репрезентаций за рамки дуальной оппозиции *мужское/женское*. Этот факт отражается на тенденциях развития лексикона, как и отмеченное нами ранее столкновение глобального и локального [Кирилина 2015].

В связи с этим цель исследования двойка: с одной стороны, мы выясняем, находятся ли в процессе изменений имена агентивные, обозначающие лицо женского пола, и наименования видов сексуальной ориентации, а также устанавливаем, в чем состоит различие во влиянии глобального и отечественного на эту часть русской лексики. С другой стороны, фиксируем нерешенные и иногда даже не вполне осознаваемые проблемы – «узкие места» интерпретации гендерных различий в словарном составе языка.

Одним из таких «узких мест» становится явное *противоречие между оживлением феминистской риторики (после периода постфеминизма в 90-е гг.) и ширящимся признанием множественности гендера, тенденцией к постгендеризму (а затем – и к трансгуманизму)*. Последнее выражается в либерализации гендерных норм (легитимации однополых браков, смены пола, в появлении и развитии печатных и виртуальных изданий/сайтов типа «Квир», поддержке специальных проектов, направленных на разрушение дуальной оппозиции «мужское/женское» и социальном поощрении (а частично – и насаждении) множественности гендера (например, на официальном сайте посольства Австрии в России посетитель заполняющий анкету на выдачу визы, должен выбрать свой пол не из двух, а из четырех вариантов (*male, female, not applicable, unknown*); в начале 2019 г. в Германии официально признан третий пол⁴, а еще раньше его признала Австралия и некоторые другие страны). В научной литературе отмечается

---

³ Определения постгендеризма пока не встретились нам в отечественных академических изданиях, но присутствуют в Википедии: «индивид в обществе не сводится к гендерной роли, а является просто представителем человеческого рода, которого характеризуют (если в этом вообще есть необходимость) лишь его собственные поступки» [<https://ru.wikipedia.org/wiki/постгендеризм>].

⁴ Началось также интенсивное его «освоение» в научном дискурсе: например, в Германии идет подготовка специальных «гендерных» выпусков журналов «Muttersprache» и «Sprachdienst».

и тот факт, что множественность пола и также отказ от так называемых традиционных моделей семьи обнаруживается в жанрах и типах текстов, адресованных молодому поколению. Например, в современной детской и юношеской литературе Германии преобладают модели, разрушающие прежнюю норму (неполная, однополая семья и т.п.) [Чех 2012]. Визуальные гендерные репрезентации также направлены на создание гендерного разнообразия: СМИ, телевидение охотно и часто представляют информацию о разрушающих институционализацию и ритуализацию пола практиках (о смене пола целыми семьями (включая детей), о регистрации брака с изменением визуального ритуала (жених и невеста в белых платьях); призывают мужчин носить платья и широко тиражируют такие действия (Кончита Вурст и другие медийные личности); о регистрации однополых браков, признании родителями ребенка трех и более человек), тем самым дискурсивно поддерживая их и открывая все новые окна Овертона:

Австралийский ребенок сменит пол

Австралия: 2011-04-17 02:37:12

Десятилетний мальчик Джемми в последние два года живет как девочка: носит девчачью одежду и, вообще, ощущает себя маленькой прелестницей с длинными белокурыми волосами.

Родители мальчика, медики и психологи опасаются, что раннее половое созревание может привести к психологической травме ребенка и последующему самоубийству, поэтому настаивают на скорейшем прохождении процедуры по смене половых признаков.

[<http://www.dpni.org/articles/novostnaya/22038/> Дата доступа – 12 апреля 2012]

Все это касается и части постсоветского пространства:

Молдаване согласились на предложение Совета Европы исключить слова «отец» и «мать» из официальных документов как проявление сексизма

В официальных документах в Молдавии теперь не будет понятий «отец» и «мать». В соответствии с Национальной программой по обеспечению гендерного равенства и «введением принципа равных возможностей для женщин и мужчин в нормативные акты и документы» — будет использоваться термин «один из родителей».

Напомним, что еще в сентябре 2010 года Совет Европы предложил исключить слова «отец» и «мать» из официальных документов, так как счел это за проявление сексизма.

Тогда предложение СЕ носило рекомендательный характер, но ради того чтобы попасть в Евросоюз, молдаване готовы на многое. ***Изменение в законе об охране здоровья коснется бланков, формуляров в школах и детских садах*** (выделено нами – А.К.).

Поправки были приняты на прошлой неделе в рамках Национальной программы по обеспечению гендерного равенства на 2010-2015 годы.

Соглашение было подписано 27 июня 2014 года, в Молдавии его поддержали 59 депутатов.

[<http://www.mk.ru/politics/2014/07/22/moldova-zamenit-ponyatiya-otec-i-mat-na-formulirovku-odin-iz-roditeley-radi-es.html> . Дата доступа – 12 апреля 2018].

При этом СМИ отмечают, что в зарубежном дискурсе интерпретации «гендерных инноваций» имеют, как правило, положительную коннотацию, а противостоящие им традиционалистские точки зрения осуждаются; ряд дискурсов призывает даже разработать карательные санкции для тех, кто не разрешает своим детям, например, поменять пол. Таким образом, глобальные практики конструирования гендера направлены

на разрушение традиционной дуальной модели и минимизацию – а в дальнейшем и полное снятие – различий мужского и женского.

Отметим еще один важный момент: по сравнению с 60-ми – 80-ми годами XX века меняется и само понимание гендера: он все более интерпретируется и как маркер сексуальной ориентации и/или как *параметр самоидентификации индивида*, с полом вообще не связанный (таковы азеркины (от англ. other – другой), считающие себя животными (кот, дракон), инопланетянами и иными подобными существами, в половой принадлежности не нуждающимися).

Еще одна складывающаяся на глазах тенденция – это восприятие гендера как текучей, временной, изменчивой характеристики, которую индивиды могут менять в течение жизни. Здесь отметим лишь, что динамичность гендера неизбежно влечет за собой проблемы в его институционализации:

Недавно принятый в Аргентине закон, разрешающий менять пол даже без операции по его изменению, приносит первые плоды.

Аргентина подарила миру не только первого папу из Латинской Америки, но и первую свадьбу беременной мужчины. Правда, мужчина, как бы поделкатнее выразиться, не совсем мужчина. Ему 26 лет. Он называет себя Алексисом Табордой, но фактически является женщиной и должен родить накануне.

Избранница Алексиса – 28-летняя Карен Бруселарио. Карен напротив – мужчина, который хочет быть женщиной и который был на свадьбе невестой

[<http://www.kp.ru/daily/26166.5/3053381/>. Дата доступа – 2 декабря 2013].

В нашей стране операции по смене пола также создают институциональные сложности:

В Петербурге суд вернул трансгендера-печатницу на работу и присудил ей почти 2 миллиона рублей компенсации

Это первый случай в России, когда женщина, бывшая ранее мужчиной, смогла отстоять свое право на труд.

... Увольнение Васильевой с должности печатника участка глубокой печати признано незаконным; приказ об увольнении признан незаконным; Васильева восстановлена на работе в указанной должности, – сообщает Объединенная пресс-служба судов Петербурга.

Надо сказать, что это первый подобный случай в России, когда новоявленной женщине удалось отстоять свое право на мужскую профессию. А начиналось все в 2017 году, когда печатник с многолетним стажем осознал, что он любит свою профессию, но заперт в чужом теле. После прохождения обязательных психологических процедур врачи дали добро на операцию, и Григорий превратился в Настю.

Вот только на работе его встретили неприветливо. Не из-за предубеждений, а из-за списка мужских профессий, которым женщинам по причине вредности заниматься нельзя. Печатницу-трансгендера моментально уволили. Чтобы отстоять право на труд Настя пошла в суд. В первый раз в иске было отказано, но когда нанятые ЛГБТ-группой «Выход» юристы привели в пример практику Верховного суда, где говорится только об угрозе материнства. А оно, по понятным причинам, для женщин, «перерожденным» из мужчин, невозможно

[<https://www.kp.ru/daily/26964/4019235/>. 9 апреля 2019. Дата доступа – 11 апреля 2019].

Языковое следствие – появление нежестко связанных существительного и прилагательного «*трансгендер-печатница*», «*печатница-трансгендер*», а также изменений в синтаксической сочетаемости: «он... должен родить» и подобных. Рассматривая

гендерную специфику предикативных отношений в русском языке, С.А. Коновалова [2005] установила, в числе прочего, наличие рестриктивных синтаксических связей, то есть ограничений на сочетаемость у немногочисленных глаголов, отражающих семантику исключительно одного пола (жениться, выйти замуж, родить). Социальная реальность ведет сегодня к ослаблению этих ограничений.

Противоположную направленность имеет отечественная консервативная тенденция к патриархальному фундаментализму, в нашей стране связанная с постсоветской активизацией религиозных практик, официальной дискредитацией модели советской женственности и даже с ростом мизогинических интерпретаций. Не меньшую роль играют и миграционные сдвиги.

Глобальные же дискурсивные практики воспроизводятся некоторой частью научного и политического сообщества некритично и без учета как социальной ситуации – настоящей и прошлой, – так и специфики системно-структурных свойств русского языка.

С другой стороны, в российском обществе наблюдается тенденция к «научной» дискредитации гендерных исследований как инструмента внедрения «неправильных» и псевдонаучных интерпретаций. Так, 29 ноября 2017 г. в Общественной палате прошли слушания, на которых Ж.Тачмамедова, представленная экспертом, подвергла критике все научные организации, проводящие гендерные исследования, и ведущих специалистов этой области (<https://rvs.su/novosti/2017/psiholog-gendernaya-ideologiya-lish-naukoobraznaya-obolochka-ideologii-lgbt>; см. также препринт статьи С. Шакировой academia.edu. Дата доступа – 18 мая 2019 г.).

Наконец, в связи с растущим числом видов гендера (около шестидесяти в научном описании) и реактуализацией идей языкового равноправия мужчин и женщин актуализируется проблема гендерной специфики политической корректности.

Все названные факты позволяют предположить, что и вектор развития лексики в интересующей нас области соответствуют охарактеризованным выше тенденциям.

Методология и метод

Для сбора данных мы пользовались Национальным корпусом русского языка (НКРЯ) [ruscorpora.ru] и – поскольку корпус несколько отстает от времени реального появления инноваций – дополнили материал данными, полученными при анализе читательских комментариев в газете «Комсомольская правда» в 2010-2018 гг. и на странице левого сообщества «Лев Натанович Щаранский и его синий кот» социальной сети ВКОНТАКТЕ.

Исследование строится на следующих методологических предпосылках:

1) гендерный аспект явления исследуется в последнюю очередь; ему должна предшествовать более общая характеристика языковой ситуации, коммуникативной области, прагматического контекста и т.д.;

2) необходим учет особенностей языковой системы рассматриваемого языка (например, тот факт, что в русском языке категория рода выполняет и функцию синтаксического согласования, а также присуща глаголам в прошедшем времени, должен учитываться при обсуждении темы гендерной политкорректности в русском языке); не менее значимо обращение к лексикографическим трудам [Scheller-Boltz 2017], корпусам и иным инструментам, позволяющим обнаружить направления и тенденции развития гендерного конструкта;

3) необходимость учета особенностей гендерного дискурса и культурной традиции той или иной страны и недопустимость насаждения «усредненной американской нормы» во всех культурах [см. об этом Cameron 2002];

4) гендерная лингвистика, как и гендерные исследования в целом развиваются в мире уже более пятидесяти лет, а разработка рекомендаций по языковому равноправию начата более двадцати лет назад; за это время вполне четко проявились тенденции процесса и его особенности в разных странах и в разных языках; это также должно учитываться при обсуждении вопроса.

Разумеется, в рамках одной статьи невозможно в должной мере отразить все названные процессы, но дать им хотя бы краткую характеристику вполне возможно:

1. При всей глобализационной зыбкости ее дефиниции (см. [Blommaert 2010]) современная языковая ситуация в России (и не только) характеризуется беспрецедентной интенсивностью языковых контактов, мощным влиянием глобального английского и языков мигрантов на автохтонные языки, сужением сферы действия нормы, редукцией социальной базы русского литературного языка, отсутствием протекционистской языковой политики, слабым соблюдением языкового законодательства.

2. К гендерно значимым особенностям языковой системы русского языка относится, на наш взгляд, его несколько сниженная, по сравнению, например, с немецким или английским андроцентричность [см. Кирилина 1999: 80 и след.] (например, слово «человек» с небольшими исключениями вроде устойчивого сочетания «молодой человек» применимо – особенно в предикативной функции – к человеку любого пола, а лексемы «человек» и «мужчина» никак не являются полными синонимами (ср.: он *интересный человек/он интересный мужчина*). Еще одна особенность – возможность выражения женскости/женственности не только лексическим способом (*врач пришел/врач пришла*), факт наличия группы существительных общего рода, а также все усиливающаяся тенденция к языковой экономии и к усилению видеосоставляющей коммуникации (см. Пойманова 1997).

3. Особенности гендерного дискурса – плюрализм гендерных представлений и моделей, сосуществование глобалистского стремления к постгендеризму и патриархатного фундаментализма. Еще одна особенность – широкая исламская миграция в традиционно русские регионы и связанный с ней рост патриархатных поведенческих моделей, рост визуальной представленности неравноправной женственности, а также появление в повседневности соответствующих дискурсивных практик.

Поощрение религиозности и государственная поддержка церкви также способствуют некоторому ренессансу патриархата. Отметим, наконец, и отрицание советской женственности, происходящую в рамках общей официальной тенденции к антисоветизму. При этом совершенно игнорируется или отбрасывается советский опыт достижения равноправия, в том числе и в языке – ревизия старых пословиц и поговорок, и создание новых, отражающих новую реальность [подробнее см. Tafel, 1997], адресное обращение к женщинам через названия газет («Женщина-пролетарка») и под. [см. Кирилина 2000].

---

⁵ Так, в декабре 2018 г. автор статьи, сделав замечание молодому чеченцу – жильцу ее дома за неподобающе поведение, услышала: «Я с женщиной разговаривать не буду». Это факт свидетельствует о проникновении крайне традиционалистских практик в весьма ранее эмансипированную московскую среду.

Противоположная тенденция – распространение глобального понимания гендера также имеет место. Таким образом, сегодня в Российской Федерации наличествуют две тенденции – глобалистская концепция гендера как множественного феномена, а также происходит ренессанс фундаменталистских патриархатных моделей гендера. Все это привело к общему ухудшению положения женщин [Свадьбина, Немова, Пакина 2014].

4. Наконец, как отмечалось выше, уже разработанные пути к языковому равноправию в разных странах и языках различаются. Как это ни странно, анализ достигнутого в плане сравнения разных языков почти не представлен в научной литературе. Между тем, длительный уже период жизни феминистской лингвистики – пятьдесят лет – явно нуждается в теоретическом осмыслении. По крайней мере, наша работа по анализу использования рекомендаций по употреблению языка в целях равноправия женщин в журнале “Emma” [Kirilina 1999] показала, что даже весьма ангажированный журнал не смог полностью и последовательно применить рекомендации по гендерно равноправному использованию языка, что привело к незапланированным коммуникативным эффектам.

Даже в самом первом приближении анализ средств достижения языкового равноправия в немецком и английском языках показывает, что достигается оно не вполне одинаковым набором средств. Нейтрализация используется и в английском, и в немецком языках. Но в английском, который считается языком, не имеющим категории рода, как представляется, более существенную роль играет конвенция – общепринятая «по умолчанию» договоренность не считать форму с явно маскулинным суффиксом *-er* проявлением грамматического рода. Так, *teacher* считается нейтральным словом, в том время как в родственном немецком языке *Lehrer* с тем же маскулинным суффиксом считается мужской формой.

В немецком же языке более важную роль играет сплиттинг (Splitting) – употребление и мужской, и женской формы – *Lehrerinnen und Lehrer*. Как дань языковой экономии в официальном письменном общении нередко в начале текста указывается, что форма множественного числа (например, *Lehrer*) относится к лицам любого пола: в неофициальном же общении часто используется синкретическая форма с заглавной буквой женского суффикса – *LehrerInnen*.

Исчерпывающий критический анализ идеи языкового равноправия и ее реализации – это дело будущего, но даже в первом приближении ясно, что в использовании так называемого равноправного языка должен учитываться предыдущий опыт и его социокультурная, а также системно-структурная специфика рассматриваемого языка.

Обратим внимание и на то, что синкретичная форма с заглавной буквой в начале суффикса в немецком языке наилучшим образом согласуется с тенденцией к языковой экономии и распространена очень широко. Но именно эта форма не была предложена лингвистами, а возникла «сама по себе» в результате изменения узуса под влиянием дискурса равноправия. Это говорит о том, что и вне научного дискурса происходят процессы языкового творчества, которые нередко в большей мере, чем искусственные инструменты, отражают естественные творческие возможности языка и дают наиболее жизнеспособный результат. Особенно важно это сегодня, когда число видов гендера в

---

⁶ Кlišе «языковое равноправие» – атрибут политического дискурса в ряде стран; оно является дискуссионным термином [см. Добровольский, Кирилина, 2002].

некоторых теориях перевалило за шестой десяток и стало очевидно, что, например, использование около шестидесяти обращений парализует коммуникацию (в гротескном виде это представлено в выступлении депутата бундестага Штеффена Кенигера, в котором все отведенное политику для выступления время оказалось затраченным только на приветственное обращение с упоминанием всех видов гендера) [Steffen König, German AfD) <https://www.youtube.com/watch?v=H3pntGBylho>, дата доступа – 22 марта 2018].

Аналогичным образом исследование Ярослава Зоммера (Jaroslav Sommer) «Род, пол и гендер на страницах журнала «Квир»» [в печати] убедительно демонстрирует языковое творчество квиров, весьма далекое от рекомендаций по политкорректному использованию языка, но при этом оно вполне удовлетворяет потребности исследованной социальной группы в части гендерной самоидентификации. Это еще один аргумент в пользу анализа того, что происходит в лексиконе языка «по факту», как «обычные» носители языка творчески используют его для обозначения своей гендерной идентичности.

Далее мы переходим к анализу материала именно с этой целью – выяснить, что происходит и какие тенденции регистрируют НКРЯ и читательские комментарии.

Рассмотрение триады человек – мужчина – женщина показало следующую картину (см. Таблицу №1):

Таблица №1

Встречаемость слов *человек, мужчина, женщина* в НКРЯ

Лексема	Найдено документов	Найдено вхождений
Человек	51042	835118
Женщина	16974	142926
Мужчина	10060	51974

Данные таблицы демонстрируют, что наиболее частотной является лексема *человек*, а наименее – лексема *мужчина*.

Поскольку у нас имеются данные более ранних лексикографических трудов [см. Кирилина, 2000], стало возможным их сопоставление с новыми результатами в НКРЯ.

Так, «Учебный словарь сочетаемости слов русского языка» (УСССРЯ) (1978: 156–157) показывает сходную картину и по сочетаемостным характеристикам: наибольшую сочетаемость имеет слово *человек*, наименьшую – *женщина*.

Тенденция сохранилась – наиболее частотно и сегодня слово «человек», наименее – слово «мужчина». Объяснение этого факта следует, на наш взгляд, искать в сниженной андроцентричности слова «человек», поскольку оно применимо в большинстве случаев к лицу любого пола и не подчеркивает именно пол лица, как слово «мужчина». Вместе с тем, мужчину чаще именуют словом *человек*, чем женщину, поэтому частотность лексем «женщина» выше. Динамика частотности обсуждаемых слов в последние десятилетия представлена в нашей работе [Кирилина 2015]: из построенных при помощи НКРЯ графиков явствует, что пик частности слова «человек»

⁷ По состоянию на 20 марта 2018 объем всего корпуса: 115 645 документов, 23 803 881 предложение, 283 431 966 слов.

в период 1970 – 2010 гг. приходится на конец 80-х годов, то есть на завершающий этап существования СССР. Затем происходит заметный спад. Напротив, слова «мужчина» и «женщина» достигают пика к середине 90-х гг. Это можно объяснить усилением удельного веса сексуальной тематики в СМИ в первые постсоветские годы. Слово же «мужик», частотность которого росла в 90-е годы, обнаруживает сегодня меньшую употребительность.

Рассмотрим теперь, что показывают более новые данные НКРЯ, полученные при помощи заданных словообразовательных элементов (Таблица 2): задавались продуктивные суффиксы женского рода **ица, *ина, *иня, *ка, *ша с ограничением: существительное, одушевленное*.

Таблица № 2

Встречаемость слов с заданными суффиксами в НКРЯ.

Суффикс	Количество найденных в корпусе документов/вхождений
-ица	29997/266395 (основной); 1249 с семантич. ограничениями 156977 (газетный) – новых почти нет
-ина	64 494/1053928 3227 (например, <i>женщина</i>)
- иня	6758/44196 102 (например, <i>героиня, богиня</i>)
-ка	19221/147999 3519 (например, <i>девушка, девочка, хозяйка, немка, бабушка, подружка, кошка, дочка</i>)
-ша	3086/14124 15 (например, <i>мамаша, квакша, костюмерша, командирша, великаниша</i>)

Как в Таблице №2, так и в приведенных ниже леммах (Таблица №3), расположенных по убыванию частотности, встречается небольшое число зоонимов, просочившихся через заданные фильтры.

Таблица №3

Первые 17 лемм найденных имен агентивных женского рода по убыванию частотности⁸

Леммы

1	Добытчица	6
2	Птица	3
3	Начальница	3
4	Красавица	3
5	Модница	2
6	Хищница	1
7	Сотрудница	1
8	Синица	1

⁸ Здесь и далее мы демонстрируем лишь начало каждой таблицы частотности, осознавая, что это компромиссное решение, связанное с необходимостью ограничить объем журнальной статьи.

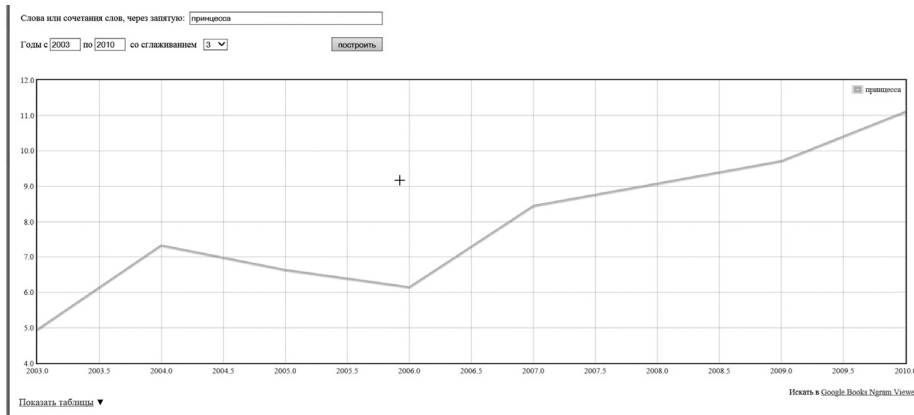
9	Работница	1
10	Приятельница	1
11	Пленница	1
12	Племянница	1
13	Писательница	1
14	Первоклассница	1
15	Отличница	1
16	Одногруппница	1
17	Курица	1

Как видим, новый материал практически не найден: встретилось лишь одно новое слово «одногогруппница», образованное по аналогии со словом «одноклассница».

Этот факт побудил нас обратиться к изменению частотности «старых» имен женского рода, и в этой сфере обнаружилось более интересные результаты, связанные с усилением англо-русского языкового контакта. В качестве примера приведем резкое повышение частотности слова «принцесса», ранее не слишком типичного для русского узуса (Рис. 1).

Рис. 1. Динамика частотности слова «принцесса» в 2003 – 2010 гг. по данным НКРЯ

Рост коллокации «мужчины и женщины» также обнаруживает повышение частотности под влиянием калькирования с английского языка: Men → Men and women →

люди → мужчины и женщины. Слово «люди», напротив, вытесняется из употребления.

В образовательном дискурсе слово «студенты» заменено словом «обучающиеся».

Экспансия английского языка обусловила и появление значительного числа калек, означающих название связанных с рыночной экономикой профессии – *менеджер*, *мерчендайзер*, *девелопер*. Насколько можно судить по исследованному материалу, эти формы используются для обозначения лиц как мужского, так и женского пола.

Источником новых лексических единиц в большей степени становятся комментарии читателей, в которых новая лексика появляется быстрее, чем в корпусе.

Семантически новая лексика относится к сферам наиболее значимым для граж-

дан, наиболее обсуждаемым. В последние годы к таким темам относятся межнациональные отношения и миграция, пенсионная реформа и некоторые другие.

Новая отечественная гендерно специфичная лексика представлена, на наш взгляд, слабо, в официальном общественном дискурсе, как правило, не присутствует. Лексика, созданная из материала русского языка, в значительной степени принадлежит к семантической группе «межнациональные отношения». Она отражает специфику миграционных потоков и отношение к ним: *носорог*, *ликан* и под. (названия кавказцев); *свинорылый*, *ватник*, *колорад* (названия русского), *чернильница* (русская девушка или молодая женщина, имеющая сексуальную связь с выходцем с Кавказа), *хиджабнутая*, *заматашка* (мусульманка, носящая хиджаб⁸). Как правило, такая лексика обозначает лицо по возрасту, полу и национальной или религиозной принадлежности и имеет негативные коннотации. В этой сфере мы обнаружили наименования женщин:

Заматашка (3 вхождения в газетный корпус с 2013 г.);

Хиджабнутая – 0 вхождений;

Чернильница (в новом значении) – 0 вхождений.

В комментариях встретилось также слово «фемки» (феминистки), также отрицательно коннотированное и в корпусе не представленное:

Underbert Danter

Таки всем фемкам и тем кто считает что у женщин в России прав маловато, предлагаю выдать возможность поработать в забоях шахт, на производстве химии с жуткими ядами, также если совершала преступления выдавать пожизненное т.к. обязанности вместе с правами у фемки появятся, она хотела как мужжиг – пусть отхватывает...
[https://vk.com/levsharansky2. Дата обращения – 15 мая 2019].

Интерес общества к собственно гендерной проблематике, довольно высок (см. Рис. 1), что отражается в появлении большого количества заимствований из сферы гендерных отношений и дискурса о гендере. Эта лексика весьма обстоятельно зафиксирована в НКРЯ, причем не только в газетном корпусе, но и в основном (Таблица №4):

Таблица №4

Обозначения видов сексуальности

Лексема	Основной корпус	Газетный корпус
Гей	1234 (рост с середины 90-х гг.)	2708 (рост после 2001 г.; резкий рост после 2012 г.)
Гомосексуалист	413 (скачок с конца 80-х гг.)	1100 (скачок с 2012 – 2013 гг.)
Педераст	221 (пик около 1999 г.)	77 (пики в 2002; 2013 – 2014 гг.)
Гомосексуал	136 (скачок около 2000 г.)	569 (скачок в 2013 – 2014 гг.)
Лесбиянка	61	87

⁸ В блогах обнаружено и другое определение: «Заматашки – так в Астрахани называют девочек, вдруг надевших хиджаб. Национальный состав очень разношерстный: татарки, казашки, русские, узбечки, аварки. С каждым годом их все больше. Только по официальным данным, сейчас 60 из них — жены боевиков. Одних находят живыми, о судьбе других родные узнают, когда эти молодые мусульманки, ушедшие в бандформирования, погибают за «правое дело»» <http://blog.fontanka.ru/posts/147948>; 30.12.2013.

Бисексуал	12 (с 1990 г.; пик в 2000 г.)	8 (с 2001 г.)
Транссексуал	9	20
Трансгендер	0	4 (с 2014 г.)
Содомит	3 (1990; 1940 гг.)	3 (с 2001 г.)
Бигендер	0	1 (в 2014 г.)

Займствования и кальки чаще отражают сферу сексуального поведения (*бигендер*, *агендер*, *fluid gender* и под.). За рамками корпуса остались новейшие номинации видов гендера (азеркин и др.), но они встречаются в интернет-коммуникации и в СМИ. Нередко виды гендера обозначаются по-английски, но с переводом и комментарием: *fluid gender*:

Термином gender fluid («половая изменчивость») обозначают распространившееся в последние несколько лет явление, когда человек не может отнести себя ни к одному из полов, потому что предпочитает сразу оба: сегодня один, завтра другой, и так хоть до бесконечности [<https://lenta.ru/articles/2016/04/20/genderfluid/>].

Динамика запросов в Яндексе также говорит о росте интереса к гендерным трансформациям (Рис.2):

Рис.2. Динамика запросов на тему «трансгендер» в Яндексе (www.life.ru, дата обращения 20 марта 2018 г.)

Как россияне становятся трансгендерами в домашних условиях

Кто он – педагог будущего?

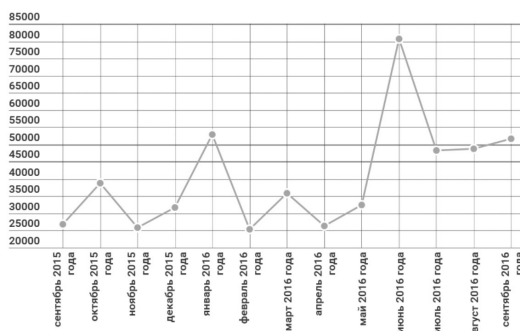
Мы сделаем ваш праздник незабываемым! Бумажное шоу, опыт более 15 лет.

Новые BMW от 1 490 000 р. в Пелижан-Праймари. Только до 31.10.

В сентябре 2016 года в "Яндексе" было 52 тысячи запросов на эту тему, а год назад, в сентябре 2015 года, – 28 тысяч запросов.

Число запросов на тему "трансгендер" в "Яндексе"

В сентябре 2015 г. зарегистрировано 28 000 запросов, в 2016 г. – 52 000 запросов.

Интерес представляет, наконец, изменение значения слов, отражающих общественно порицаемую сексуальность. Так, однозначно бранное слово «педераст» в последние годы несколько смягчает свое значение; появились (пусть и шуточные пока) выражения «педераст в хорошем смысле» (гей) и «педераст в плохом смысле» (плохой человек, подлец, негодяй). Корпус также демонстрирует снижение частотности разнобразных форм слова «педераст» в бранном значении (Таблица №5):

Таблица №5

Встречаемость форм слова «педераст» в бранном значении

Лексема	Основной корпус	Газетный корпус
Педераст	221 (появление около 1919 г., пик около 2000 г.)	77; пики в 2001 – 2002 и 2013 – 2014 гг. гг.
Пидерас (бранное)	1 (1988-]1993) Н. Медведева	0
Пидарас (бранное)	124 (появился в середине 60-х гг.; пик около 2000)	9 пик в 2003
Пидорас (бранное)	48 (с середины 60-х гг.; пик около 2000 – 2008 гг.)	3 пик около 2004 г.
Пидор (бранное)	135 (рост с 1980 г.)	8 (пик после 2001)

Пик частотности в 60-е гг. объясняется тем, что Н.С. Хрущев использовал производное от этого слова публично в бранном значении при посещении выставки художников-абстракционистов 1 декабря 1962 г.

Выводы

Процессы, происходящие в гендерно маркированной лексике, отражают плюралистическую модель гендера в современной России, а также противоположные тенденции в конструировании гендера – глобальную и отечественную, хотя она обнаруживает и явную политизированную составляющую – игнорирование и дискредитацию советской модели женственности [см .Кирилина 2015].

Рассмотрение лексического состава в динамике позволяет обнаружить и описать тенденции языкового развития гендерного конструкта.

НКРЯ не содержит большого количества новых лексических единиц с семантикой женственности, однако фемининность выражается иными способами – увеличением частотности определенных лексем, заимствованием из американского варианта английского языка, возникновением новых синтагматических связей, ослаблением ретрикции сочетаемости.

Лексические единицы создаются из материала русского языка в тех сферах, где происходит широкое обсуждение волнующих общество проблем. Нередко такие лексемы имеют отрицательную коннотацию.

Обозначения же различных (и новых) видов сексуальности развиваются в основном по линии заимствования: мы наблюдали появление новой лексики, связанной с более детальным обозначением лица в зависимости от его сексуальных предпочтений, а также ревизию «стандартных» языковых форм представления гендера. Она реализуется как частотное калькирование англоязычных форм и просто использованием английского слова, написанного на латинице.

Таким образом, способы обозначения лиц женского пола значительных изменений, по сравнению с описанными в Русской грамматике [1980], не претерпели. Новые лексические единицы, созданные из материала русского языка («замоташка» и под.) также немногочисленны; они появляются в семантических областях наибольшей напряженности (например, межэтнические отношения); заимствования приходят в сферу профессиональной деятельности, где отмечается значительное влияние англо-русского

языкового контакта (торговля, политика и др. и, как правило, существуют в форме мужского рода (что, на наш взгляд, отнюдь не означает игнорирования женщин, а связано, скорее, с языковой экономией). Напротив, обозначения сексуальности претерпевают заметные изменения, что проявляется как в образовании новых лексических единиц при помощи морфологических средств русского языка, так и при помощи заимствований, а также изменения значений.

Динамика развития бранной лексики, отражающей «нетрадиционную» гендерную ориентацию, говорит о росте терпимого отношения общества к лицам с подобной ориентацией.

В качестве перспективы дальнейших исследований мы предложили бы:

1) внимательное сравнительное изучение опыта стран, где рекомендации по языковому равноправию мужчин и женщин реализуются в течение нескольких десятилетий;

2) призвали бы – вслед за Д. Шеллер-Болтцем [Scheller-Boltz, 2017] – к изучению субкультуры «квир», ее лексикона и языкового творчества, а также к теоретическому осмыслению множественности гендерного конструкта и его влиянию на проблемы языкового равноправия. В данный момент наблюдается некоторое противоречие между идеями «дуального» гендерного равноправия и ростом числа видов гендера в общественном дискурсе.

Литература

Васькова О.А. Гендер как предмет лексикографического описания (на материале фразеологии). Дисс. на соискание уч.степ.канд. филол.наук. М.:МГЛУ, 2006. 178 с.

Гриценко Е.С. Язык. Гендер. Дискурс. Н. Новгород, 2005. 267 с.

Добровольский Д.О., Кирилина А.В. Феминистская идеология в гендерных исследованиях и критерии научности // Гендер как интрига познания. Сб. статей. М.: Рудомино, 2000. С. 19-35.

Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М.: Институт социологии РАН. 1999. 189 с.

Кирилина А.В. Гендерные аспекты языка и коммуникации: дисс. ... доктора филол.н.: 10.02.19. М., 2000. 369 с.

Кирилина А.В. Возможности гендерного подхода в антропо-ориентированном изучении языка и коммуникации // Кавказоведение /Caucasology, №2, 2002. С. 134-141.

Кирилина А.В. Семиотические особенности гендерных репрезентаций в современной России // New Approaches to Gender and Queer research in Slavonic Studies. Proceedings of the International Conference «Language as a Constitutive Element of a Gendered Society – Developments, Perspectives and Possibilities in the Slavonic Languages» (Innsbruck, 1-4 October 2014). Ed. by Dennis Scheller-Boltz. Serie Die Welt der Slaven. Sammelbände. Band 59. Harrasowitz Verlag. Wiesbaden, 2015. P. 33-49.

Коновалова С.А. Гендерная специфика выражения предикативных отношений в тексте на родной волшебной сказки. Дисс. ... канд. филол. н., М.: МГЛУ, 2005. 219 с.

Пойманова О.В. Семантическое пространство видеовербального текста: дисс. ... кандидат. филол. н.: 10.02.19. М., 1997. 237 с.

Русская грамматика / Н.Ю. Шведова (гл. ред.). М.:Наука, 1980. Т. 1,2.

Свадьбина Т.В., Немова О.А., Пакина Т.А. Современный трафик работоторговли: причины, последствия, профилактика. СОЦИС, 2014. № 2, С. 43-48.

Чех Г. Образ семьи в молодежной литературе в контексте глобализации // Общество – Язык – Культура: актуальные проблемы взаимодействия в XXI веке. Тезисы докладов Седьмой международной конференции. М.: МИЛ, 2012. С. 13-15.

Blommaert, Jan A. (2010) *The Sociolinguistics of Globalization*. Cambridge University Press.

Cameron, D. (2002) *Globalization and the teaching of “communication skills”* // David Block, Deborah Cameron (eds) *Globalization and the Language Teaching*. -Rouledge.

Kirilina, Alla V. (1999) *Nichtsexistischer Sprachgebrauch in der Zeitschrift Emma // das Wort*. Germanistisches Jahrbuch. Bonn .

Tafel, K. (1997) *Die Frauim Spiegelderrussischen Sprache*. Wiesbaden.

Scheller-Boltz, Dennis (2017) *The Discourse on Gender Identity in Contemporary Russia. An Introduction with a Case Study in Russian Gender Linguistics*. Georg OlmsVerlag Hildesheim – Zürich – New York.

Словари

Учебный словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. П.Н. Денисова и В.В. Морковкина. М.: Русский язык, 1978. 688 с.

THE DESIGNATION OF GENDER-RELATED VOKABULARY IN THE LIGHT OF OPPOSITION OF GLOBAL AND NATIONAL (ON THE MATERIALS OF THE RUSSIAN NATIONAL CORPUS)

Alla V. Kirilina

Vice-rector for scientific research

Moscow International Academy

15A, Building 1. Novomoskovskaya ul., Moscow

alkira@list.ru

The article, methodologically based on a post-non-classical view of language as an object with procedural nature, discusses the methodological foundations of a gender-based approach to language and deals with the data of the Russian National Corpus and reader comments; the trends in the development of agent feminina, as well as the designations of sexuality in the Russian language are established. It was revealed that the new Russian vocabulary appears in thematic areas of high social significance (interethnic relations), and the names of various types of sexuality, on the contrary, are mainly borrowed from English.

A reduction in the frequency of abusive vocabulary, reflecting the “non-traditional” gender orientation, has been found, which suggests the growth of tolerant attitudes of society towards people with such orientation. As a prospect for further research, a comparative study of the experience of countries where recommendations on the linguistic equality of men and women have been implemented for decades, the study of the queer subculture, its vocabulary and language creativity, as well as a theoretical understanding of the plurality of the gender construct and its influence on the problems of linguistic equal rights.

Keywords: gender, Russian, gender linguistics, corps linguistics, feminine nouns, political correctness

References

- Blommaert, Jan A.* (2010) *The Sociolinguistics of Globalization*. Cambridge University Press.
- Cameron, D.* (2002) *Globalization and the teaching of “communication skills”* // David Block, Deborah Cameron (eds) *Globalization and the Language Teaching*. -Rouledge.
- Czech, G.* *Obraz sem’i v molodezhnoj literature v kontekste globalizatsii* [The image of a family in youth literature in the context of globalization] // *Obshhestvo – Yazyk – Kul’tura: aktual’nye problem vzaimodejstviya v XXI veke. Tezisy dokladov Sed’moj mezhdunarodnoj konferentsii*. M.: MIL, 2012. S. 13-15. (In Russian).
- Dobrovolskij D.O., Kirilina A.V.* *Feministskaya ideologiya v gendernyh issledovaniyah I kriterii nauchnosti* [Feminist ideology in gender studies and scientific criteria] *Gender kak intriga poznaniya. Sb. statej*, M. “Rudomino”, 2000, s. 19-35. (In Russian).
- Gritsenko E.S.* *Jazyk. Gender. Diskurs.* [Language. Gender. Discourse]. N.Novgorod, 2005. 267 s. (In Russian).
- Kirilina, Alla V.* (1999) *Nichtsexistischer Sprachgebrauch in der Zeitschrift Emma // das Wort. Germanistisches Jahrbuch*. Bonn.
- Kirilina A.V.* *Gender: lingvisticheskie aspekty* [Gender: linguistic aspects]. M.: Institut sociologii RAN. 1999. 189 s. (In Russian).
- Kirilina A.V.* *Gendernye aspekty jazyka i kommunikacii* [Gender aspects of language and communication]: diss. ... doktora filol. n.:10.02.19. M., 2000 – 369 s. (In Russian).
- Kirilina A.V.* *Vozможности gendernogo podhoda v antropoorientirovannom izuchenii jazyka i kommunikacii* [Opportunities for a gender approach in anthropic-oriented language learning and communication] *Kavkazovedenie /Caucasology*, №2, 2002. S. 134-141 (In Russian).
- Kirilina A.V.* (2015) *Semioticheskie osobennosti gendernyh reprezentacij v sovremennoj Rossii* [Semiotic features of gender representations in modern Russia]. *New Approaches to Gender and Queer research in Slavonic Studies. Proceedings of the International Conference «Language as a Constitutive Element of a Gendered Society – Developments, Perspectives and Possibilities in the Slavonic Languages»* (Innsbruck, 1-4 October 2014). Ed. by Dennis Scheller-Boltz. Serie Die Welt der Slaven. Sammelbände. Band 59. Harrasowitz Verlag. Wiesbaden. P. 33-49.
- Konovalova S.A.* *Gendernaja specifika vyrazhenija predikativnyh otnoshenij v tekste narodnoj volshebnoj skazki* [Gender specificity of expression of predicative relations in the text of a folk fairy tale]. Diss. ... kand. filol.n.: 10.02.19. M., MGLU, 2005. 219 s. (In Russian).
- Pojmanova O.V.* *Semanticheskoe prostranstvo videoverbal’nogo teksta* [Semantic space of video verbal text]: diss. ... kand. filol. n.: 10.02.19. M., 1997. 237 s. (In Russian).
- Russkaja grammatika* [Russian grammar] N. Ju. Shvedova (gl. red.). M.: Nauka, 1980. T.1, T.2 (In Russian).
- Svad’bina T.V., Nemova O.A., Pakina T.A.* *Sovremennyy trafik rabotorgovli: prichiny, posledstviya, profilaktika*. [Modern traffic of the slave trade: causes, consequences, prevention]. SOCIS, 2014. № 2, S. 43-48 (In Russian).
- Tafel, K.* (1997) *Die Frauim Spiegelderrussischen Sprache*. Wiesbaden.
- Scheller-Boltz, Dennis* (2017) *The Discourse on Gender Identity in Contemporary Russia. An Introduction with a Case Study in Russian Gender Linguistics*. Georg OlmsVerlag Hildesheim – Zürich – New York.

Vas'kova O.A. Gender kak predmet leksikograficheskogo opisanija (na materiale frazeologii). [Gender as a subject of lexicographical description (on the basis of phraseology)]. Diss. ... k. filol.n: 10.02.19. M., MGLU, 2006. 178 s. (In Russian).

Dictionaries

Uchebnyj slovar' sochetaemosti slov russkogo jazyka [Educational Dictionary of the Compatibility of the Words of the Russian Language]. Pod red. P.N. Denisova i V.V. Morkovkina. M.: Russkij jazyk, 1978. 688 s. (In Russian).